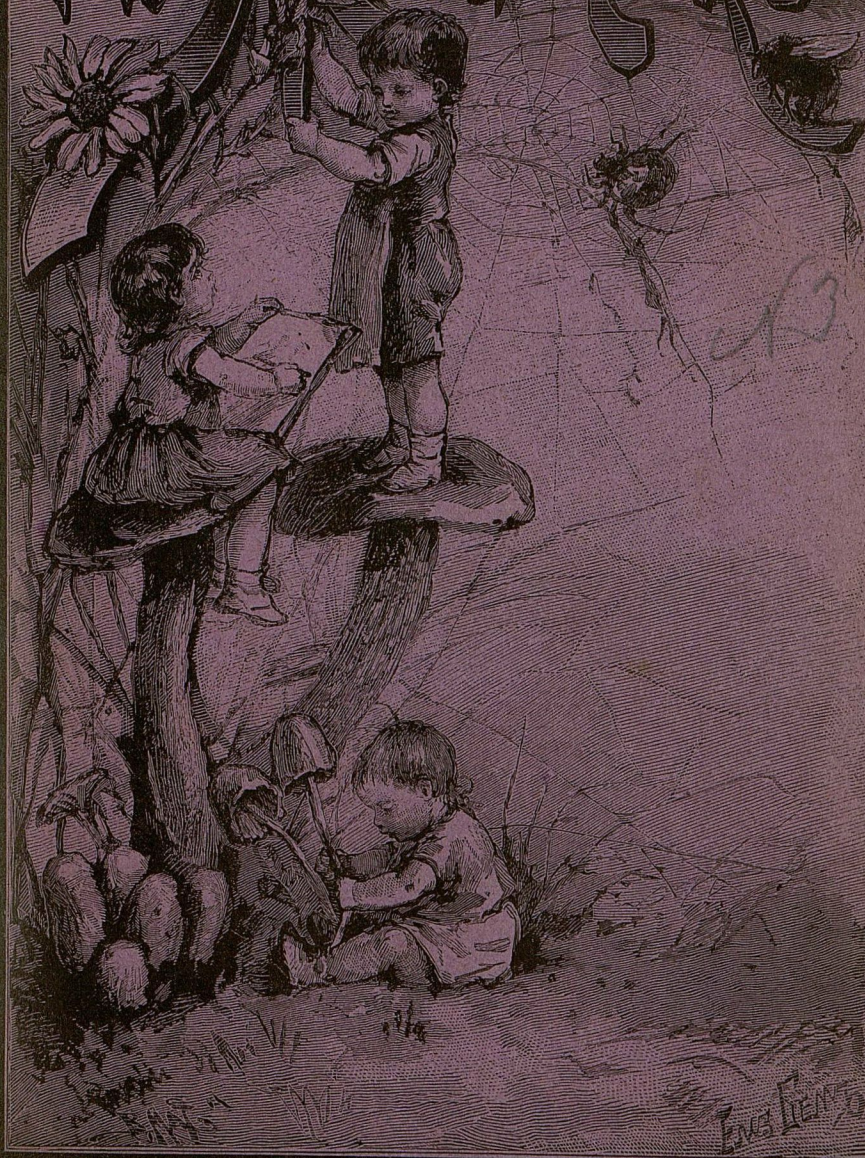

ДЛЯ МАЛЮТКЪ

„ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“

ОСОВЫЙ ОТДѢЛЪ

журнала «ИГРУШЕЧКА».

1895.

МАРТЪ № 3.

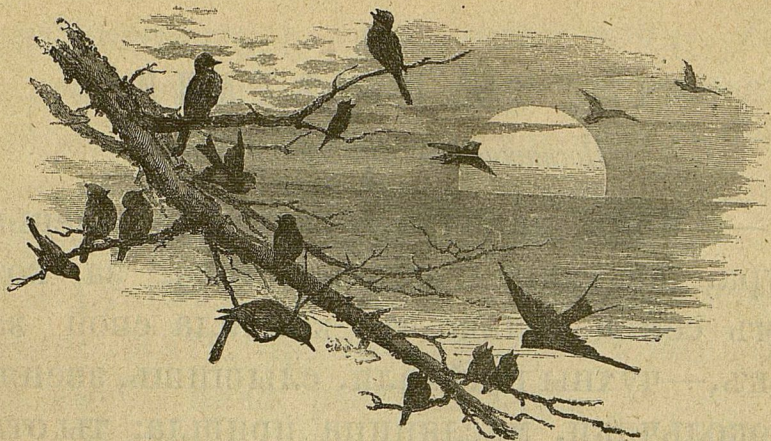
ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
I. «Мама! Что такое—солнце?». (Стихотвореніе). <i>А. Коринфскаго</i>	33
II. Чухны пріѣхали. Съ рисункомъ въ текстѣ. <i>Надежды Ласъ</i>	34
III. Спасенный Таксъ. (Разсказъ Вани). <i>И. Т.</i>	39
IV. Онъ спитъ. Съ рисункомъ въ текстѣ. <i>Бумг-бумъ</i>	44
V. Подарокъ дѣдушки мороза. Волшебная картинка. <i>Е. Миткевичъ</i>	47
VI. Игра подъ пѣсенку. Бѣглець. <i>Е. Ходаковской</i>	48

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Адресъ редакціи: Фурштатская, д. № 44.

«Мама! Что такое—солнце?»
— То, что ярко такъ блеститъ
И теперь къ тебѣ въ окошко
Улыбается-глядитъ!..

* * *
«А зачѣмъ оно такъ рѣдко
«Ходитъ къ намъ въ окно смотрѣть?»
— Потому, что солнцу надо
Въ день-деньской весь міръ пригрѣть!..

* * *
«Мама! Есть у солнца мама?»
— Нѣтъ, родная!..

«Ктожъ его
«Приголубитъ и пригрѣетъ
«Въ Божьемъ мірѣ самого?!»

Аполлонъ Коринфскій.

ЧУХНЫ ПРИЊХАЛИ.

Посвящается Фредерику Ласъ.

— Мама, мамочка, — кричалъ маленькій Шура, вскакивая изъ-за стола, за которымъ семья только-что кончила свой завтракъ, — чухны приѣхали, слышишь, звенятъ колокольчики, масляница пришла; ты отвезешь насъ сегодня на балаганы, мамочка, — продолжалъ Шура, подбѣгая къ окну.

— Цухны, цухны, — крикнули ему вслѣдъ пятилѣтній Миша и крошка Оля, — мамуся, цухны!

И вотъ двое малютокъ, бросивъ костяныя вилочки на полъ, въ мигъ очутились тоже у окна и по примѣру брата вскочили на подоконникъ.

Былъ первый день масляницы. Двѣнадцать часовъ дня. По улицѣ вереницей ѣхали чухны, быстро бѣжали ихъ маленькія сытыя лошадки, звонко гремѣли колокольчики.

Мама, боясь, чтобы дѣти не упали съ подоконника, подошла къ нимъ.

— Мамунчикъ, мамунчикъ, — шептали крошки, радостно хлопая ручонками, — ты повезешь насъ сегодня на балаганы, ты обѣ-

щала; повезешь показать намъ войну, солдатъ, генераловъ, пушки, старика, покатаешь на деревянныхъ лошадяхъ, которыя умѣютъ бѣгать кругомъ, покатаешь съ горки, — громко и радостно раздавался голосокъ Шуры.

— Старикъ, старикъ! — шепталь взволнованно Митя, припомнивъ, какъ няня любила ему о немъ рассказывать.

— «Стаикъ», — вторила хорошенькая черноглазая Оля.

— Милыя дѣтки, сегодня очень холодно, вы можете простудиться. Если завтра будетъ теплѣе, мы поѣдемъ.

Дѣтки замолкли, опечалились, и они тихо сошли съ подоконника, глядя вопросительно на маму.

— Страшно холодно, — продолжала мама, — подумайте сами, вдругъ Морозъ Красный Носъ заморозитъ васъ, и сдѣлаются вы ледяными сосульками, о которыхъ я вамъ рассказывала вчера.

Звонко разсмѣялись дѣти.

— Хорошо, — сказалъ бойкій Шура, — хорошо, мамуся, подождемъ, — прибавилъ онъ, глядя на улыбающихся брата и сестру. — Но пока придетъ завтра, надо придумать что-нибудь на сегодня, — и онъ побѣжалъ

въ дѣтскую, прыгая, подскакивая и увлекающая за собой братишку и сестренку.

Въ мигъ, кажется, преобразилось все въ дѣтской... явились свои чухны, устроился и балаганъ. Мягкое кресло старушки няни изобразило чухонскія санки; въ немъ сидѣла Оля, закутанная въ нянину кацавейку; ноги ея были укрыты большимъ сѣрымъ платкомъ. Шура на другомъ стулѣ, одѣтый въ нянину овчинную шубу, ея же рукавички, папину теплую шапку похлопывалъ рука объ руку и приговаривалъ: «холодно!»

Миша запряженъ въ санки лошадкой, на шеѣ у него колокольчикъ, который Шура, пробѣгая по мамину кабинету, успѣлъ взять съ письменнаго стола.

Въ углу старушка няня, съ длинной бѣлой бородой изъ бумаги и въ папиномъ халатѣ, изображала старика.

На полу разставлены деревянные пушки и солдатики. Шумъ, гамъ, смѣхъ, звонъ колокольчика наполняли дѣтскую.

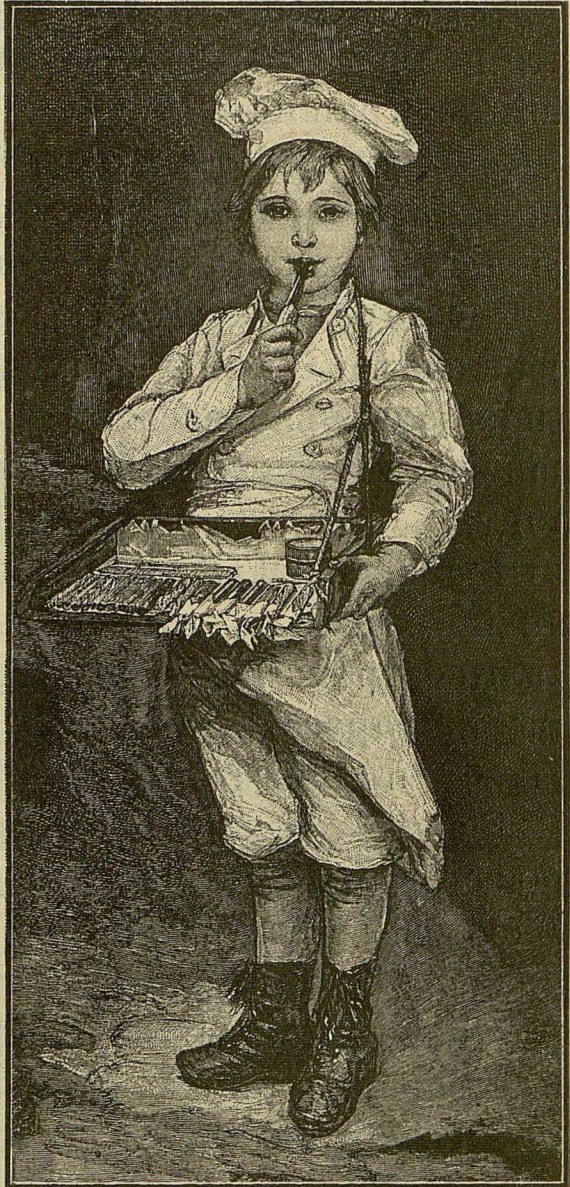
Это веселье привлекло маму и что же она увидѣла?

Шура хлыстикомъ подгоняетъ Мишу. Миша шевелитъ головой, и колокольчикъ громко звенитъ, а Оля, важно глядя по сто-

ронамъ съ улыбкою на раскраснѣвшемся личикѣ, мчится на балаганы.

Смѣется и старушка няня, увидя маму, залюбовавшуюся на веселыя и довольныя лица своихъ птенчиковъ.

Смѣхъ и веселье усилилось, когда вошелъ папа. Увидя изображавшаго чухонца, Шуру, онъ приставилъ къ Олинымъ санямъ-

Оля переодѣлась поваренкомъ.

креслу еще два стула, для себя и мамы, и попросилъ вести всѣхъ на балаганы.

Дѣтки играли въ эту игру почти до самаго вечера и довольные заснули въ ожиданіи завтрашняго дня.

— Если потеплѣетъ,—говорили они въ одинъ голосъ,—насъ повезутъ завтра на настоящихъ чухнахъ въ настоящіе балаганы.

И на другой день, дѣйствительно, сдѣлалось теплѣе. Шелъ маленькій снѣжокъ, солнышко смотрѣло ласково и привѣтливо въ окошко дѣтской, и точно манило дѣтей на улицу.

Послѣ завтрака они одѣлись, и мама съ няней вышли съ дѣтьми на улицу и поѣхали смотрѣть настоящіе балаганы, старика, качели, карусели, ледяныя горы, русскую свадьбу и Звѣзду Счастья.

Лошадка чухонца быстро мчалась по гладкой санной дорогѣ, звонокъ заливался, чухонецъ весело посвистывалъ, маленькія саночки точно ныряли въ снѣгу. И вотъ они очутились у настоящихъ балагановъ, о которыхъ знали только по рассказамъ мамы, папы и особенно няни.

А легкій морозецъ пріятно ласкалъ руки, личики Шуры, Миши и Оли.

Надежда Ласъ.

СПАСЕННЫЙ ТАКСЪ.

Разсказъ Вани.

Моему брату Мишѣ подарили Такса, собачку на короткихъ ногахъ, съ длинными ушами и всю черную. Она была скучная, тихо ходила и ни съ кѣмъ не играла. Весь день она лежала, свернувшись въ уголкѣ, и только для того вставала, чтобы поѣсть или попить. Ёла она очень мало, мы съ ней ужасно мучались, клали ей въ ротъ кусочки мяса насильно и рѣшили, что она больна.

Мама была недовольна, что взяли въ домъ такую скучную и хилую собачку, и хотѣла ее отдать прежнему ея хозяину, а Миша жалѣлъ ее и не хотѣлъ съ ней разстаться.

Какъ-то разъ Таксъ исчезъ. Мама была рада, а Миша все ее искалъ, и, наконецъ, узналъ отъ дворниковъ, что Такса видѣли на сосѣднемъ пивоваренномъ заводѣ. Тамъ жили три мальчика, сыновья главнаго пивовара; имъ понравилась эта коротконогая собака, они ее прикормили и оставили у себя. Но черезъ нѣсколько дней Таксъ опять явился къ намъ. И такъ онъ кочевалъ отъ насъ къ сосѣдямъ и обратно къ намъ.

Была ранняя весна. На московскихъ улицахъ растаялъ снѣгъ, текли ручьи, а у насъ въ саду еще кое-гдѣ кучками лежалъ снѣгъ. Мы его раскидывали своими лопаточками и увозили на тачкахъ подальше въ уголь сада. Въ это время Такса нашего опять не было дома. Онъ пропадалъ уже нѣсколько дней. Посылали на заводъ, но и тамъ его не было. Думали, что его кто-нибудь увелъ, или что просто онъ издохъ. Миша рѣшилъ, что его надо вездѣ искать. Мы обошли всѣ кусты, раскапывали мокрые листья, посмотрѣли за колодцемъ, у забора, въ сараяхъ, конюшнѣ, подвалахъ—нигдѣ его не было. Тогда мы рѣшили, что онъ пропалъ и принялись дочищать то мѣсто передъ домомъ, гдѣ мы зимой катались на конькахъ, а весной играли въ крокетъ и другія игры. Когда работа была кончена, и весь снѣгъ раскиданъ, мама показала намъ на грядкахъ, какъ выдѣзали изъ-подъ мокрой лиственной земли желтовато-зеленые острые кончики гіацинтовъ, тюльпановъ и нарциссовъ.—«Вотъ все это скоро зацвѣтетъ»,—говорила мама. Намъ было очень весело въ саду и не хотѣлось идти домой, но пара было завтракать, и мы понесли лопаты, грабли и тачки въ бесѣдку,

куда всегда убирали наши салазки зимой и и наши садовые инструменты лѣтомъ.

Вдругъ вижу я въ уголкѣ бесѣдки, куда я хотѣлъ поставить лопатку, что-то маленькое, круглое и черное. Я показываю мамѣ, но она близорука и ничего не видитъ.

— Идите же, дѣти, скорѣй домой, всѣ насъ ждутъ,—говорила она.

Тогда я ей говорю:

— Мама, да ты нагнись, посмотри, это вѣдь нашъ Таксъ.

— Что ты говоришь, Ваня, гдѣ Таксъ?

Въ это время сестра моя, Саша, слѣпая, какъ и мама, стала на колѣнки и, нагнувшись совсѣмъ близко, тоже увидала несчастнаго Такса, неподвижно лежавшаго, свернувшись клубочкомъ, въ самомъ углу на мхѣ, въ которомъ уложены были луковичи цвѣтовъ, и который такъ съ осени и остался въ углу бесѣдки.

— Боже мой, онъ мертвый!—вскричала мама, и я видѣлъ, что ей стало жаль собачки. Но я въ это время тронулъ Такса, и онъ чуть-чуть пошевелился. Мама мнѣ закричала:

— Нетрогай Такса, Ваничка, онъ издохъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ живой, право, живой,—кричалъ я,—онъ дышетъ.

Мы съ Сашей осторожно подняли мордочку Такса, и онъ едва открылъ глаза. Худъ онъ былъ ужасно: видно было, что онъ отъ болѣзни, отъ слабости и голода страшно отощаль. Мама послала Сашу въ кухню за какой-нибудь ѣдой Таксику.

Саша принесла въ какой-то плохенькой глиняной чашечкѣ похлебку. Мама сунула мордочку Такса въ чашечку, но онъ жался, жмурилъ глаза и долго не могъ ѣсть. Наконецъ, пришла няня и говоритъ:

— Чтожъ вы не идете завтракать. Папа и барышни ждутъ, Андрюша изъ гимназіи пришелъ, а васъ никого нѣтъ... Батюшки! — удивилась няня, — чтожъ это тамъ у тебя, Ваничка?

— Нашъ Таксикъ, — отвѣтилъ я. — Я нечаянно увидалъ его, когда убиралъ лопатку, посмотрите, няня, какой онъ жалкій!

— Ну, Богъ съ нимъ, бросьте, — фу! издыхаетъ совсѣмъ, а вы его трогаете.

Но мнѣ такъ жаль было собачки, что и ѣсть не хотѣлось, и не могъ я отъ нея уйти. Разъ я нашелъ ее, я хотѣлъ ее спасти и принялся снова тыкать ея мордочку въ супъ. Вдругъ она высунула свой сухой язычакъ и стала хлебать похлебку.

— Ура! — закричали мы, захопавли въ ладоши и съ радостными криками побѣжали тоже завтракать.

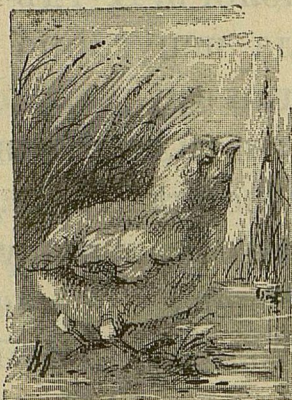
По дорогѣ домой, мама мнѣ сказала:

— Ну вотъ, Ваничка, ты спасъ жизнь этой собачки; еслибъ ты ея не увидалъ, она издохла бы, потому что была слишкомъ слаба и больна, чтобъ пойти самой искать себѣ пищу.

Я былъ очень счастливъ, Миша и Саша тоже хвалили меня.

Съ этого дня мы стали ухаживать за Таксомъ и кормить его. Онъ поправился, сталъ ловить крысъ и мышей и очень привязался ко всѣмъ намъ. На заводъ онъ больше не убѣгалъ, и что удивительнѣе всего, это то, что и мама его полюбила съ этого дня.

И. Т.

ОНЪ СПИТЬ.

Няня, уходя изъ комнаты, попросила дѣтокъ не шумѣть. Павлика только-что выкупали и уложили въ качалку, гдѣ онъ тотчасъ заснулъ. Ею прикрыли кисейнымъ пологомъ.

— Онъ спитъ?—послышался изъ угла голосъ Вѣруши.

— Тише,—отвѣтила Надя, занятая шитьемъ куклинаго бѣлья.—Вѣдь няня насъ просила не шумѣть.

Надя была старшая, ей только-что минуло восемь лѣтъ, а Вѣрушѣ всего было четыре года.

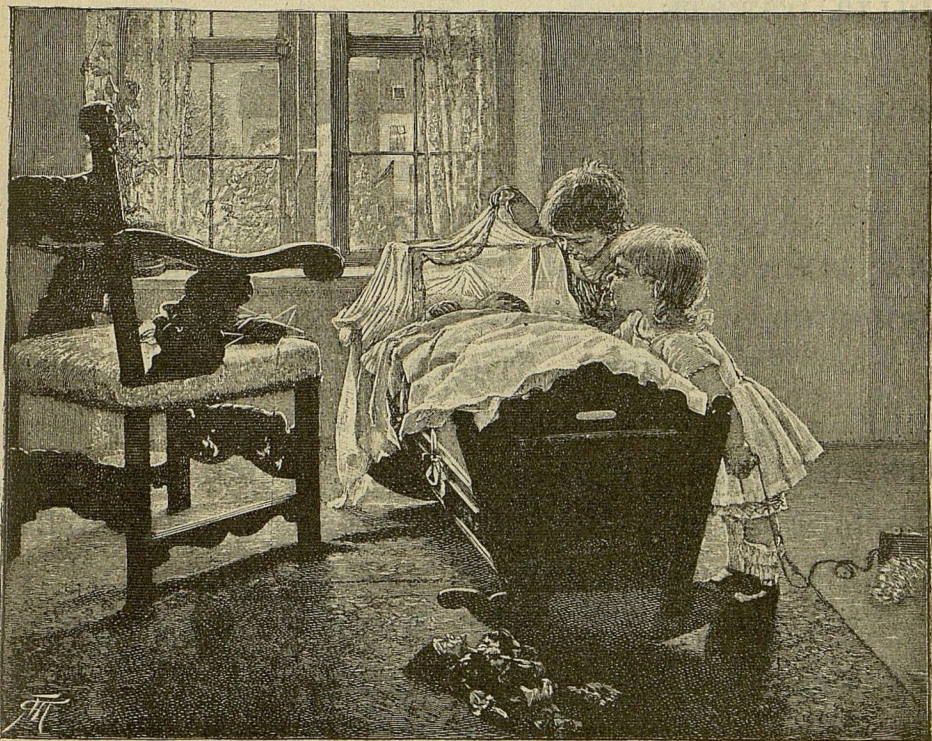
— Посмотримъ, какъ онъ спитъ. Хорошо?—и Вѣра, дергая за веревочку барашка, очутилась подлѣ кроватки.

— Открой пологъ. А гдѣ у него другая ручка?—спросила испуганно Вѣра.

— Гдѣ другая ручка... Конечно, подъ одѣяльцемъ,—отвѣтила Надя.—Тише же... Разбудишь...—говорила Надя, глядя съ любовью на спящаго братишку.

— Какой у него хорошенькій носикъ, точно у моего Колюхи. А губами, губами-то какъ онъ шевелить... Ай! даже щелкаетъ.

Посмотри, онъ точно сосеть... Ну-ка подними побольше пологъ, дай мнѣ хорошенько на него посмотрѣть... Какой онъ розовый...
— Ему жарко, — замѣтила Надя, — по-

Онъ спить.

смотри, у него на лбу и на носу точно бисеръ... это потъ.

— Давай раздѣнемъ его.

Говоря это, Вѣра оперлась на качалку, качалка зашаталась, и Павликъ началъ усиленно чмокать губами...

— Какой глупенькой!.. Давай нальемъ

ему въ ротикъ молочка. Я сейчасъ принесу... Въ моей кухнѣ есть жестяная вороночка... Я ее вставлю ему въ ротикъ, а ты будешь лить молочко. Хорошо?—И Вѣра уже готова была бѣжать.

— Чего ты только не выдумаешь! Да развѣ это можно? Онъ захлебнется,—сказала разсудительно Надя.

— О! А почему же мой Колюха ни разу не захлебнулся. Я ему каждый день черезъ вороночку вливаю въ ротъ молочко...

— Такъ вотъ отчего онъ у тебя безъ ногъ...—сказала протяжно Надя.—Теперь понимаю. Онѣ у него отмокли... Хороша мама!.. Поздравляю... Вотъ глупенькая! Да развѣ куклы могутъ пить, ѣсть или говорить?

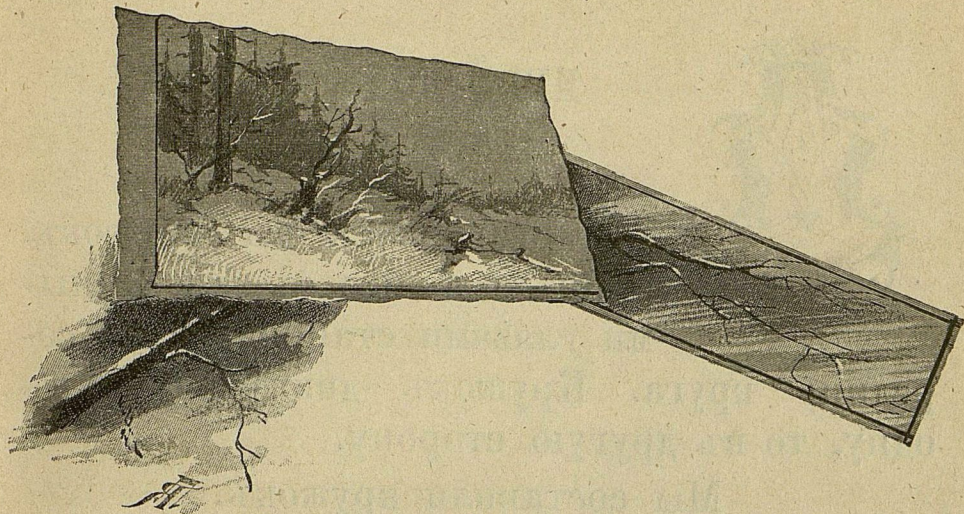
— Могутъ... А моя Маня? Она говоритъ ма-ма, па-па.

— Да, когда ты дергаешь за веревочку. Няня вернулась и, увидя дѣтей спорящими у качалки, такъ и ахнула...

— Вѣдь просила, молила, нѣтъ не послушали.

— Нянечка, мы ничего не сдѣлали Павлюку, мы только на него посмотрѣли... Онъ спить!

Бумъ-бумъ.

ПОДАРОКЪ ДѢДУШКИ МОРОЗА.

Волшебная картинка.

Посвящается маленькой Лизѣ Жеребцовой.

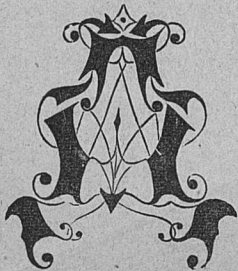
Посмотри:

Морозъ забавникъ
Тебѣ картиночку прислалъ,
Онъ знаетъ, что сегодня праздникъ,
И все окошко росписалъ.

Вдали сіяютъ пышно скалы,
Сверкаетъ сказочный лѣсокъ.
Въ серебряной травѣ упали
Иль звѣздочка, или цвѣтокъ.

Какъ дѣдушка морозъ рисуетъ!
Тебѣ понравилось дитя?
Картинками онъ побалуесть,
А заморозить не шутя.

Е. Миткевичъ.

ИГРА ПОДЪ ПѢСЕНКУ.

Бѣглецъ.

ѢТИ становятся въ кружокъ. Одинъ изъ нихъ съ завязанными глазами становится въ середину круга. Кружокъ движется то въ одну, то въ другую сторону.

Мы составили кружокъ,
То-то поиграемъ.
Выбѣгай скорѣй, дружокъ,
Тебя мы отгадаемъ.

Въ это время одинъ изъ играющихъ старается неслышно выйти изъ круга и спрятаться. Тогда стоящему въ кругу развязываютъ глаза и предлагаютъ отгадать выбывшаго.

Что, товарищъ, ты не знаешь,
Кто изъ насъ бѣглецъ,—
Если вѣрно отгадаешь,
Будешь молодецъ.

По желанію игру можно вести и безъ пѣсни.

Е. Ходаковская.

Редакторъ-издательница А. ПѢШКОВА-ТОЛИВѢРОВА.

Доз. ценз. Спб., 4 марта 1895 г.

Типографія Б. М. Вольфа, Фонтанка 92.

